

Владимир Михайлович Шулятиков

**Профессиональное движение
и капиталистическая
буржуазия**



Владимир Михайлович Шулятиков

Профессиональное движение и капиталистическая буржуазия

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663465*

Аннотация

«Присяжные ученые и публицисты буржуазного лагеря сделали великое историческое открытие: они нашли, что *у буржуазии есть будущность*. Правда, некогда, в дни своих первых победоносных дебютов на исторической сцене буржуазия веровала в свою счастливую звезду, веровала в то, что ей суждено «наполнить землю» блеском своего могущества, утвердить свое царство на вечные времена. Но эту веру она потеряла очень скоро: она увидела перед собою противника, угрожающего в один прекрасный день лишить ее всех сделанных ею завоеваний и приобретений. ...»

Содержание

В.Шулятиков

Профессиональное движение и капиталистическая буржуазия

Присяжные ученые и публицисты буржуазного лагеря сделали великое историческое открытие: они нашли, что *у буржуазии есть будущность.*

Правда, некогда, в дни своих первых победоносных дебютов на исторической сцене буржуазия веровала в свою счастливую звезду, веровала в то, что ей суждено «наполнить землю» блеском своего могущества, утвердить свое царство на вечные времена. Но эту веру она потеряла очень скоро: она увидела перед собою противника, угрожающего в один прекрасный день лишить ее всех сделанных ею завоеваний и приобретений. Пусть шаг за шагом продолжала она одерживать победы над пережитками феодального прошлого, пусть ей удавалось до сих пор задерживать наступления пролетарских колонн, радость побед на два фронта омрачалась тревогою о завтрашнем дне. Топя в море крови пролетарские наступления, буржуазия не обманывалась на счет своего противника «слева», правильно учитывала, в лице своих наибо-

лее проницательных теоретиков, одержанные над ним победы, как победы частичные, отнюдь не обеспечивающие успеха в генеральной битве у будущего. Лишь в редких случаях те или другие энтузиасты капиталистического строительства, позволяли себе увлекаться слишком радужными мечтами о прочности диктаторской позиции своего класса. Но уделом широких слоев буржуазии, начиная с ее верхов и кончая ее низами, было пессимистическое мировоззрение: на основании данных реальной действительности заключать о конечном торжестве идеала, т. е. идеала буржуазной диктатуры, «ее же царствию не будет конца», невозможно; относительно «завтрашнего дня» приходится, в лучшем случае, примириться с формулой и «ignorabimus».

Ныне в мировоззрении широких слоев буржуазии произошел переворот, Пессимизм уступает место оптимизму. Теоретики буржуазии или, точнее, известной ее части высказывают убеждение, что ее противник далеко не так опасен, как принято думать. Подобно легендарному Ахиллу он уязвим: ахилловой пятой пролетариата являются его, профессиональные организации.

Обнаружившееся за последнее время в рядах рабочего класса тяготение к профессионализму вскрывает, по мнению означенных теоретиков, истинный характер пролетарского движения. Те революционные симпатии, о которых рабочие заявили при своих прежних выступлениях, та непримиримость, та острота классово-ненависти, которую

они раньше исповедовали, оказываются чем-то навеянными извне, а не присущим органически его социальному облику. Теперь они начинают освобождаться постепенно от чуждых им настроений и выступать в своем настоящем костюме. Настоящий рабочий – это рабочий-профессионалист, рабочий примиренец, мечтающий не о том, как бы разрушить капиталистический строй, а о том, как бы приспособиться к рамкам этого строя. Профессионализм растет: перед глазами буржуазии начинают открываться широкие горизонты, буржуазия проникается верой в конечное торжество своих идеалов, своей «культуры».

Итак, профессиональное движение пролетариата должно выполнить великую историческую миссию: в нем Андромеда-буржуазия желает видеть своего Персея, который спасет ее.

Замечательная перемена фронта! Ведь не так давно, всего несколько десятилетий тому назад, среди буржуазии преобладало безусловно враждебное отношение к профессиональным рабочим организациям. Буржуазия видела в последних своих злейших врагов, испытывала перед ними панический ужас и всеми средствами старались стереть их с лица земли. Враги превратились теперь в желанных союзников, отрицание перешло в свою противоположность! Спрашивается, в чем тайна подобной удивительной метаморфозы? действительно ли в «линейности» рабочего движения, о котором на все голоса твердят буржуазные теоретики?

Означенные теоретики совершенно напрасно спешат составлять некрологи непримиримой политике и тактике пролетарских масс. Говорить о линянии рабочего движения, как такового, т. е. классового движения не приходится. Увлечение профессионализмом, правда, весьма сильное, отнюдь не характеризует позиции пролетариата. Профессионализм явлением классовым ни в коем случае считать нельзя. Он может развиваться и иметь успех лишь в среде некоторых рабочих групп¹. Принимая настроение этих групп за настроение всего пролетариата представители буржуазии тешатся приятным самообманом. Их трактаты о том, что профессионализм есть истинное русло рабочего движения и что последнее повсеместно имеет тенденцию идти теперь по этому истинному руслу, обнаруживают их полнейшую неосведомленность относительно позиции пролетариата и имеют такую же ценность, как классические реляции столпов нашей отечественной бюрократии, уверявших и продолжающих уверять себя и весь мир в безусловной преданности всего населения российской империи «истинно-русским», старо-патриархальным устоям.

Но пусть собственники и приспешники капитала на бумаге и в теории всех и вся зачисляют в «примиренцы: тем для них хуже. С своей стороны, мы должны констатировать, что все же весьма значительные кадры рабочих-профессионалистов имеются на лицо, что все же идет строительство рабо-

¹ Об этом мы предполагаем говорить в следующем очерке.

чих организаций на чисто профессиональных началах, и эти союзы, эти «трэд-юнионы», на самом деле, могут пользоваться доверием со стороны предпринимательского лагеря, так как настроены в очень примирительном духе, заявляют себя противниками острой классовой борьбы. Конечно, оппортунистическое направление этих союзов – неременное условие для проявления симпатий, которая буржуазия питает к ним. Но их оппортунизм сам по себе завоевать означенные симпатии не мог. Профессионализм – продукт не нынешнего дня, он вырос давно, давно буржуазия с ним была знакома и, тем не менее, она смотрела на него совершенно другими глазами. Господа капиталисты удостоили его своего благоволения и признательности, повинаясь голосу некоторых ближайших материальных интересов. Раньше профессионализм выгод для их текущих операций не представлял; теперь он стал им выгоден.

В чем же заключаются его выгоды?

Мы уже подчеркивали, что имеем дело с *частью* буржуазии, а не с буржуазией, взятою в целом.

Определим теперь, какая это часть буржуазии: та часть, которая владеет фабриками и заводами, обставленными согласно последним требованиям современной промышленной техники. Вот именно данное обстоятельство и обуславливает, в конечном итоге, ее симпатии к профессиональной организации рабочих.

Развитие техники, как известно, знаменует собой сокра-

щение числа рабочих, потребного для производства того или иного продукта. Главная часть капитала воплощается в орудиях и средствах производства. При этом рабочие должны обладать повышенной «выучкой», повышенной «квалификацией».

В первый период распространения машинной индустрии дело обстоит иначе. Победа фабрики над мануфактурой сопровождалась вытеснением прежнего квалифицированного работника, проходившего долгую школу предварительной технической выучки, рабочим малообученным. Чтобы получить право стать у фабричного станка, необходимы знания, необходимую сноровку можно было приобрести всего в какие-нибудь несколько месяцев или даже недель. Подобное понижение квалификации наглядно иллюстрируется такими явлениями, как, напр., применение в самых широких размерах женского и детского труда. Но техника совершенствуется, производство все больше и больше приближается к идеалу полного автоматизма. И одновременно с этим происходит переворот в требованиях, предъявляемых фабрикой к рабочему. «Для малоквалифицированного труда – говорит марксист HannsDeutsch² – для труда стариков, женщин и детей в рамках автоматического процесса производства нет применения. Женский и детский труд был первым

² «Qualifizierte Arbeit und «Kapitalismus. Werttheorie und Entwicklungstendenzen», стр. 94. См также выводы, сделан. инжен. Oehelhauser'ом («Technik einst und jetzt»).

словом капиталистической утилизации машин, но не ее последним словом». На самом деле управление новейшими машинами, надзор и уход за ними, постановака их, починка требуют от рабочего специальных познаний и опытности в области техники. Короткий срок выучки, практиковавшийся прежде, этих познаний и этой опытности гарантировать не может.

Таким образом, двери промышленных предприятий, снабженных наиболее усовершенствованными техническими изобретениями, закрыты для широких кадров пролетарских масс.

Зато трудом этих кадров пользуются технически отсталые конкуренты названных предприятий и пользуются зачастую с большим успехом. Располагая орудиями сравнительно более или менее примитивной конструкции, они стараются взять верх двумя средствами – увеличением числа рабочих и усилением изнурительности труда. Прибегать к этим средствам собственники предприятий первого типа не могут, потому что этого не допускают условия их производства. Если выработка какого-либо продукта производится при помощи простых, недорого стоящих инструментов, для хозяина предприятия, в его борьбе против конкурентов, представляет прямую выгоду удвоить – утроить штат своих рабочих. Если же, напротив, производство ведется при помощи сложных, дорогостоящих машин, то путем увеличения рабочего персонала сколько-нибудь значительного усиления произво-

дательной способности предприятия ни в коем случае достичь нельзя. Если предприниматель пользуется трудом мало или вовсе не обученных рабочих, трудом по преимуществу мускульным, он старается извлечь наибольшую выгоду из удлинения рабочего дня. Но чем выше квалификация труда, чем более умственного напряжения и внимания требует от рабочего выполнение той или другой трудовой операции, тем скорее рабочий утомляется, тем пагубнее отзывается на качестве производимого продукта каждый лишний час работы. Собственнику усовершенствованных машин приходится, в интересах возможно более успешного завоевания рынка, отказаться от указанного архаического способа эксплуатации. Мало того, необходимость заставляет его, в поединке с его отсталыми конкурентами, выступать сторонником некоторых реформ фабричного быта, сторонником рабочего законодательства. Естественно, свои выступления на данном поприще он старается обставить большой декорационной помпой. Он заявляет, что его решимость добиваться реформ продиктована ему высоко гуманными побуждениями, что он служит идеалу социальной справедливости. А в действительности, как вы видите, он лишь переводит на язык риторической идеологии итоги расчетов, подведенных бухгалтерами его фабричной конторы.

Начиная с конца семидесятых годов в канцелярии петербургской бюрократии стали поступать от разных фабрикантов ходатайства о законодательном ограничении рабоче-

го дня. Ходатайства исходили *исключительно* из среди собственников предприятий, далеко опередивших своих конкурентов в техническом отношении. Таковы были ходатайства Кренгольмской мануфактуры 1876 г., съезда машиностроителей 1875 г., петербургских бумагопрядильных фабрикантов 1883 г., лодзинских фабрикантов 1894 г. Они являются показателями того факта, что вышеозначенным предприятиям приходилось выживать весьма серьезную, приобретающую последовательно все более и более критический характер борьбу за рынок. Здесь мы должны сделать некоторую оговорку.

Подчеркивая роль материальных интересов буржуазии в процессе развития фабричного законодательства, мы отнюдь не думаем придавать этим интересам, в данном случае, значение «первопричины», *primi moentis*. Конечно, непреломной предпосылкой появления фабричных законов или зарождения мысли о них, служит обострение недовольства в рабочей среде, облекающееся в ту или иную форму протеста. Атакуемая пролетарскими отрядами буржуазия спешит парализовать атаку, но каким образом?

Моменты обострения ее отношений к пролетариату являются, вместе с тем, моментами обострения разъедающих ее *внутриклассовых противоречий*. Угрожаемый сильным внешним врагом, капитал становится крайне чувствительным; обозначаются рельефно все его внутренние язвы и настроения. Буржуазия расслаивается; в ее недрах царит пест-

рая разногласия мнений и программ. Господа капиталисты размещаются по рядам слишком многочисленных партий, – как, напр., у нас: от кадетской партии до союза истинно-русских людей включительно. Та группа капиталистов, которая располагает в данный момент наибольшей реальной силой, и редактирует ответ на требования пролетариата. В этот ответ она вкладывает желательное для нее содержание, т. е. старается помощью этого ответа обеспечить себе привилегированную позицию на рынке, обращает его в орудие борьбы со своими конкурентами. Другими словами, в качестве «уступок» пролетариату она предлагает как раз те мероприятия, которая выгодны ей самой, которые составляют неперемное условие ее дальнейшего существования.

Вернемся, однако, к цитируемым нами примерам. Возбуждавшиеся прогрессивной частью российской буржуазии ходатайства на протяжении десятилетий успеха не имели. Противник, которого имели в виду, упорно отстаивал свои интересы. За ним была реальная сила: ему принадлежала редакция ответа пролетариату. Этот противник, в данном случае, придерживался доктрины государственного невмешательства, доктрины промышленного индивидуализма. Фабриканты московско-владимирского района были представителями капитала крайне низкого строения. Опираясь на классически отсталую технику, на «патриархальную» систему производства, они, в своей борьбе с Лодзью и Петербургом, естественно, прибегали лишь к самым примитивным

приемам эксплуатации труда. Чудовищно продолжительный, 14-ти и 13-ти часовой рабочий день служил главным базисом их благополучия. Ограничить рабочий день значило подкопаться под этот базис, значило подорвать в корень их конкуренцию: вот чего добивались фабриканты Лодзи и Петербурга. Никакой нормировки рабочего дня! было лозунгом московско-владимирского района.

В приведенной нами исторической справке речь идет о столкновении фракций буржуазии на почве одного этого вопроса. Но эта справка может служить, равным образом, иллюстрацией и к тому общему положению, которое мы выше выставили.

Именно такова позиция современных социал-реформистов. Все преобразования, предлагаемые ими в качестве панацеи от социально-экономических и противоречий капиталистического строя, есть не что иное, как боевые средства технически развитого капитала, прокладывающего себе путь.

Было, впрочем, время, когда технически развитой капитал заявлял о себе несколько иначе. Но тогда он сам был несколько иной. В первый период торжества фабричной системы, период, характеризующийся сравнительно малым совершенством машинной техники, период «полуавтоматической» фабрики, авангард капиталистов исповедовал индивидуалистические воззрения. в его рядах процветало манчестерство. И понятно, почему. Полуавтоматическая фабри-

ка питалась на счет труда неквалифицированных рабочих. Ее хозяевам были, следовательно, доступны наиболее примитивные способы эксплуатации. Напротив, в предприятиях их конкурентов работали носители сравнительно высокой квалификации – детальные мануфактурные и ремесленные рабочие. Мануфактура и особенно ремесло, принужденные вести борьбу с фабрикой, выставляли требования регламентации производства. Фабриканты, со своей стороны, протестовали против малейших попыток ограничения «свободы» действий. С преимуществами машинной обработки продуктов они могли сочетать «выгоды» чрезмерного угнетения труда: победа обеспечена, раз на пути не будут ставить никаких искусственных преград. «Руки прочь!» *laissez faire, laissez passer!*..

Техника прогрессировала. Манчестерец переродился в социал-реформиста.

И этот социал-реформист именно в силу тех же оснований, какими определяется его апология различных шагов в области рабочего законодательства, заявляет себя сторонником профессиональных рабочих коалиций. Другими словами, капитал высокого строения смотрит на профессиональные союзы, как на полезные орудия для борьбы против своего соперника, капитала низкого строения. Разовьем нашу мысль.

Прежде всего определим ближе облик организованного рабочего, каковой является идеальным с точки зрения про-

грессивной буржуазии. Обратимся к признаниям одного из наиболее откровенных защитников и истолкователей этой точки зрения. Возможно троякого рода отношение к труду, – разъясняет некто Трауб, дортмундский пастор³. В труде видят единственно средство заработка: чем ни заниматься и как ни заниматься, безразлично; лишь бы только иметь побольше дохода. *Это материалистическая* точка зрения. *С идеалистической* точки зрения, напротив, труд представляется ценным сам по себе; интересы заработка отступают на задний план; «радость выполнения» известной работы, труд заполняет все существование человека. Третья, *реалистическая* точка зрения является компромиссной – в лучшем смысле последнего термина: отрицая узкоэгоистическое служение материальной выгоде, она в то же время признает немалое значение за интересами заработка; достаточный заработок должен обеспечивать работающему вышеозначенную радость». Современные рабочие организации чисто профессионального типа как раз осуществляют идеал подобного реализма.

Объединяясь в союзы, рабочие покидают материалистическую позицию, которой держались до сих пор. Добиваясь согласованными усилиями сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, становясь все в новые, улучшенные условия существования, они начинают «идеалисти-

³ Lic Traub, Prerre in Dortmund: «Arbeit und Arbeiterorganisatin» (в сборн. Fur F.J. Neumann, стр.127).

чески» относиться к производству. Сокращенный рабочий день и повышенная заработная плата дают им возможность получать надлежащее умственное развитие, набираться технических познаний, вырабатывать из себя *особенно искусных производителей*. А для таких производителей работа – не одна сплошная «тягота», такие производители уже не довольствуются ролью простых придатков машины: они понимают суть выполняемых ими работ, интересуются этими работами, оказываются друзьями новейшего технического прогресса. «Высший принцип для индустрии – это принцип работоспособности», принцип технической подготовленности. Удовлетворяя ему, организованные рабочие тем самым выступают в качестве естественных сотрудников и союзников капитала. «В стремлении современного рабочего класса заключать коллективные договоры, участвовать в тарифных комиссиях, сообразуясь с конъюнктурами предпринимательской прибыли, мы констатируем процесс идеалистического перерождения труда: труд начинает подниматься над чисто натуралистическими воззрениями». И новым воззрениями, естественно, должны быть принесены в жертву интересы всех наименее состоятельных, в техническом отношении элементов, рабочего класса. Дух пролетарской солидарности (*Solidaritätsbewusstsein*) не допускает, чтобы «какая-нибудь группа рабочих принимала под свою защиту слабого, ленивого, неспособного товарища, единственно на том основании, что это – товарищ». Подобного рода защита без-

нравственна. Она знаменовала бы собою отклонение в сторону чисто политической борьбы. Идя вразрез с интересами техники, она понижала бы уже достигнутый пролетариатом «идеалистический» уровень».

Одним словом, проводится резкая разграничительная линия между двумя типами рабочих. Рабочий, располагающий очень незначительным багажом технических знаний, рабочий малоквалифицированный, прирожденный антагонист капитала – таков рабочий «материалистического» прошлого. Ему на смену идет рабочий, освоившийся с требованиями новейшей техники, чувствующий себя далеко не пасынком в царстве усовершенствованных машин и проникнутый примиренческими настроениями. Коалиции рабочих последнего типа желательны. Они ценятся либеральной буржуазией постольку, поскольку непосредственно содействуют торжеству «высшего» принципа, т. е. наибольшей доходности предприятий. «Идеалистам» – рабочим вменяется в обязанность выступать на защиту интересов своих хозяев: профессиональная организация признается необходимой предпосылкой подобного рода выступлений. Дортмундский пастор выражает именно эту мысль, когда говорит о причинной зависимости между борьбой объединенных рабочих за улучшенные условия труда и успехами производства.

Касаясь означенной зависимости, адвокат капитала «высокого строения», в общем довольно откровенный, кое-что не пожелал или позабыл сообщить своим читателям. Но мы с

удовольствием восполним немаловажный пробел, допущенный в его рассуждениях. Речь идет о некоторых ближайших материальных интересах, преследуемых собственниками усовершенствованных машин. Идеолог либеральной буржуазии должен был бы – если бы он претендовал на безусловную откровенность и полноту своих признаний – следующим образом изложить ход своих мыслей.

«Мы, – защитники и представители капитала «высокого строения», принуждены в настоящий момент признать большую пользу за профессиональными рабочими организациями. Эти организации делают весьма успешную борьбу за сокращенный рабочий день, за улучшенные условия труда, борьбу, которую не по силам вести отдельным рабочим. Между тем, требования, отстаиваемые рабочими в этой борьбе, нам в настоящий момент на руку. Нам приходится выдерживать серьезную конкуренцию с отсталыми в техническом отношении промышленными предприятиями. Условия этой конкуренции таковы, что сокращение рабочего дня и другие фабричные реформы играют роль козыря в наших руках. Вот почему мы должны заявлять себя сторонниками средства, которое обеспечивает проведение в жизнь данных реформ. Распространение профессиональных рабочих организаций означает для нас победу над нашими конкурентами (которые, заметим кстати, в настоящее время умножаются, так как в процесс капиталистического развития вовлекаются многие страны, до сих пор переживавшие эру косности на-

турального и мелкобуржуазного хозяйства, и на всемирном рынке выступают со своими товарами все новые и новые действующие лица, принадлежащие, естественно, к собственникам капитала более или менее низкого строения). Когда в профессиональный союз объединяются рабочие, занятые в предприятиях наших отсталых соперников, последние теряют жизнеспособность и шаг за шагом очищают место для нас, будучи не в состоянии выдержать натиск рабочих, будучи не в состоянии продолжать дело при новых условиях производства, продиктованных им организованной рабочей массой. Мы же организации занятых в наших фабричных предприятиях рабочих не боимся: предъявляемые ими профессиональные требования мы можем удовлетворять (разумеется, до известного предела), так как они нам, повторяем, выгодны. Профессиональные рабочие организации это – таран, разбивающий твердыни нашего соперника.»

Вот что должен сказать буржуазный публицист, если бы он захотел вскрыть истинный источник симпатий к профессиональному движению, высказываемых в буржуазной среде. Эти симпатии, как видите, продиктованы самыми прозаическими коммерческими соображениями. Пусть главная масса либералов опять таки, в данном случае, пускает в ход своего любимого конька – риторические упражнения на тему о социальной справедливости: «человеческое» оказывается «слишком человеческим» и притом слишком недолговечно человеческим.

Выступая сторонницей профессиональных союзов, прогрессивная буржуазия руководствуется самыми *непосредственными* интересами *текущего* дня: интересов завтрашнего дня она, в данном случае, отнюдь перед собою не ставит. «Завтра» ее позиция будет иной, как была иной и «вчера».

С конца девяностых годов в Англии много говорили и говорят о так называемом «кризисе тред-юнионизма». Значительная часть буржуазии, до того времени дружелюбно настроенная по отношению к профессиональным рабочим союзам, вдруг начала резко менять курс. «Die schonen Tage von Aranjuez sing nun su Ende!» Место милости заступил гнев; открылась энергичная кампания против тред-юнионов, кампания, в которой были пущены в ход и слово и дело. Последовала газетная травля (на столбцах «Times» появились знаменитые статьи «Ca'Canny»), была основана с большой помпой организация штрейкбрехеров «Союз свободного труда» (Free Labour Association), началось преследование тред-юнионов судебным порядком; тред-юнионы проиграли ряд процессов, а решение верховного судебного трибунала – палаты лордов по делу стачки на железнодорожной линии долины реки Таф поставило самое существование тред-юнионов на карту, лишив их покровительства законов.

Спрашивается: чем вызвана подобная атака со стороны предпринимателей?

Тред-юнионы стесняют производство, ограничивают его, деспотически диктуют свои законы и правила для фабрики,

упорно противятся введению новых, усовершенствованных машин и приспособлений, не допускают найма неорганизованных рабочих, лишая таким образом последних возможности осуществлять свое «право на труд», – одним словом, всячески подрывают английскую промышленность. Плоды их разрушительной деятельности уже на лицо: часть производств доживает свои последние дни, другая часть находится в положении застоя. Такова, в существенных чертах, формулировка обвинения, предъявленного к атакуемым союзам. Но все перечисленные обвинительные пункты не дают понятия об истинной причине перемены предпринимательского курса. Нападающая сторона выдвинула явно несостоятельную аргументацию, притом аргументацию не новую, а изобретенную давным-давно буржуазными софистами и выдвигаемую каждый раз, когда в отношениях между капиталистами в силу каких-либо обстоятельств наступает обострение. Получается впечатление, будто к началу нынешнего «кризиса» тред-юнионы заняли какую-то непримиримую позицию, сделались ни с того ни с сего, крайне требовательными. Никакого подобного перелома в их тактике не было. Напротив, они как раз все больше и больше эволюционировали в сторону чистейшей воды профессионализма, в сторону примиренческих шагов. Года, предшествовавшие «кризису» являются именно годами «линяния» так называемого нео-тред-юнионизма, годами отлива радикальных и социалистических вейний, внесенных в мир тред-юнионов выступлениями необу-

ченных рабочих, попытками последних организовать себя. И несмотря на это тред-юнионы, вместо одобрения, на которое они могла бы рассчитывать, заслужили опалу! Ясно, что дело тут не в их мнимом «деспотизме». Если, несомненно, и наметился некоторый упадок и застой в различных областях английской промышленности, то относить этот упадок и застой на счет мирно настроенных профессиональных союзов значило повторять аргументацию героя классической басни: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

Волкам английского капитализма, действительно, захотелось, во что бы то ни стало, скушать ягненка – во что бы то ни стало, уничтожить тред-юнионы. А подобное желание властно заговорило в них по очень простой причине. Предприниматели, считавшие себя передовым отрядом буржуазии и носителями новейшего технического прогресса, в один прекрасный день должны были убедиться, что они перестали быть таковыми. Как это случилось – вопрос, не подлежащий сейчас нашему обсуждению, но факт

«Нет страницы

ученому, производившему анкету по поводу кризиса тред-юнионизма, что он не находит особенного преувеличения в нижеследующих словах одного американца: «от области политики до области фабрикации булавок Англия поражена одним недугом – старостью. Она отстала лет на восемь-

десять»⁴.

Поход против тред-юнионов вызван не чем иным, как этой старостью.

Очувтившись перед лицом могущественных конкурентов, побивающих рекорд при помощи особенно высокого уровня машинной техники, английские капиталисты неминуемо должны были изменить свою эксплуататорскую тактику. Сокращенный рабочий день, повышенная заработная плата, улучшенные условия труда перестали представлять для них выгоду сильнодействующих средств борьбы с промышленными противниками. Подобные средства гарантируют победу над противником отсталым, но пользоваться ими, когда противник располагает техническими преимуществами, когда он для своих производственных операций нуждается сравнительно в ограниченном числе рабочих, рабочих отменно квалифицированных, значит быть врагом самому себе. Эти средства оказываются прекрасным оружием как раз в руках противника. Такой противник имеет возможность, к своей непосредственной выгоде, более широко развернуть знамя фабричных реформ. Но раз означенный путь к победе над конкурентами закрыт, что же остается делать? «Как тут быть, как тут горю пособить?»

На первый взгляд, вопрос разрешается очень просто: необходимо преобразовать радикальным образом технику, ввести у себя машины самого усовершенствованного образ-

⁴ Ibid, стр. 281.

ца – и победа выиграна. Но скоро слово говорится, а не скоро дело делается. Осуществить подобное преобразование не так то легко, о чем и свидетельствует красноречиво опыт английской промышленности. Почва последней мало благоприятствует новаторским начинаниям. «В настоящее время существует значительное различие между двумя типами машинного инвентаря (английским и американским), и американцы располагают большим преимуществом экономии производства. Технические реформы сгладили бы это различие, но равновесие установилось бы лишь на мгновение: для погашения сделанных затрат британские фабрики потребовали бы сравнительно долгий срок»⁵. Переход к дальнейшим техническим усовершенствованиям для американских капиталистов в каждом данном случае вещь во много раз более легкая, чем для их английских конкурентов. Ветераны английской индустрии лишены в настоящее время возможности пользоваться одинаковыми шансами на успех даже в том случае, когда поставленные ими новые машины не уступают машинам американским.

И, чтобы сравнять шансы, они прибегают к некогда отвергнутым ими способам эксплуатации труда. Они начинают отстаивать большую продолжительность рабочего дня, низкий уровень заработной платы. Правда, сравнительно высокая квалификация их рабочего персонала не позволяет им спуститься до эксплуататорской программы наиболее отста-

⁵ Ibid, стр. 302.

лого капитала. Но, как никак, проигрыш в технике они стараются наверстать выигрышем в выжимании пота. Иные времена – иные песни!

При таком положении дела, естественно, создается отрицательное отношение к организациям, обслуживающим задачи борьбы за «ближайшие» требования рабочих, – к профессиональным союзам. Даже те из английских предпринимателей, которые чувствуют под ногами сравнительно твердую почву, которые настроены далеко не пессимистически и безусловной вражды к тред-юнионам не выражают, и те бросают по адресу последних горькие упреки. «Широкая масса рабочих не понимает важности борьбы, которую нам приходится выдерживать с иностранной конкуренцией: позиция тред-юнионов, условия, которых они добились, содействовали повышению цен. Разумеется, если мы хотим бороться с Америкой, нам нужно улучшить нашу технику, но нужно также улучшить настроение рабочих. Иначе, мы останемся в чистейшем проигрыше»⁶.

И весьма многие представители английского капитализма принялись, действительно, с большим усердием улучшать настроение рабочих» путем улучшения их материального быта, путем разрушения их союзов. Таков характерный эпизод из новейшей всемирной истории «третьего сословия», эпизод, выставляющий в должном свете прочность профессионалистических симпатий буржуазии.

⁶ «La crise du Trade-Unionisme», стр. 287.

О подобной же прочности свидетельствует также поведение совершенно иных предпринимательских слоев, поведение собственников капитала, которые никакими старческими недугами не страдает, а напротив находится в полном цвете сил и здоровья. Предприятия, состоящие в ведении трестов или, выражаясь модным американским термином, «промышленных комбинаций» (industrial combinatins) являются образцово-оборудованными. Превосходство усвоенных ими способов производства и позволило им монополизировать известные области промышленности. Самые усовершенствованные машины, самая высокая квалификация труда! Казалось бы, мы должны были встретить в трестах больших доброжелателей профессионализма и профессиональных союзов. На деле же мы сталкиваемся с обратным явлением. Своей ненавистью к рабочим организациям тресты ничуть не уступают ни капиталу низкого строения, ни полуотсталым английским капиталистам. Получается, на первый взгляд, нечто весьма странное, опровергающее, по видимому, тот тезис, который мы все время защищали.

Не трудно разобраться, в чем тут дело. Благосклонное отношение к ближайшим требованиям рабочих не составляет, как мы доказывали, органического элемента психики господ капиталистов. *Только* в силу известных условий внутриклассовой борьбы известные группы буржуазии заявляют себя сторонниками и фабричных реформ и профессиональных союзов. Эти условия в данном случае. отсутствуют. Воцаре-

ние треста в той или другой области промышленности означает полную победу его над остальными конкурентами. Пока «промышленная комбинация» находится еще на пути к победе, пока ей приходится еще бороться за свое существование, ее лидеры считают для себя выгодным заигрывать с профессиональным движением. Но цель достигнута, национальный рынок захвачен: магнаты промышленности поют иную песнь. Таран помог разбить твердыни соперника и теперь таран не нужен. Теперь у господ капиталистов руки развязаны: можно попытаться повысить норму прибыли и при помощи более простых, старых, «патентованных» средств. Правда, опять таки условия производства не позволяют утилизировать названные средства в той степени, как хотелось бы, правда, нельзя вполне, воскресить «добрые, старые времена эксплуататорских подвигов промышленного капитала. Лидеры трестов, подобно английским капиталистам, чрезмерно удлиняя рабочий день, чрезмерно понижая заработную плату, рискуют сильно подорвать трудоспособность своих высококвалифицированных рабочих, сильно ухудшить качество и сократить количество приготавливаемых продуктов. Рынок хотя и завоеван, но необходимо удерживать его за собой, не создавать почвы для возможного возрождения конкуренции. А сильное ухудшение качества продуктов, несомненно, грозит подобного рода возможностью. Тем не менее «патентованные» средства пускаются в ход. Профессиональным союзам объявляется война. Долой их! «Мавр сделал свое де-

ло, мавр может уходить!...» Кампания, которую против тред-юнионов повели с такой энергией и настойчивостью американские тресты, может служить яркой иллюстрацией охарактеризованной экономической политики всепобеждающего крупного капитала.

Конечно, основываясь на том, что нам приходится в настоящую минуту наблюдать, мы не вправе строить слишком поспешных обобщений. Тресты стоят теперь под знаком промышленного индивидуализма, но можно ли возводить этот факт на степень истины, имеющей «абсолютную» ценность, верной для всех времен и для всех обстоятельств. Безусловно нет! Возможны случаи, когда лидерам трестов окажется более выгодным сменить «патентованные» средства на реформаторские симпатии. Завоевав внутренний рынок, трест стремится утвердить свое господство на рынках внешних. Тут ему приходится преодолевать конкуренцию капитала, более слабого в техническом отношении. Если победа достается тресту сравнительно легко, если он в состоянии одержать ее, оставаясь на почве усвоенного им аппарата производства, естественно, он не обнаруживает ни малейшей склонности взять новый курс политики. Иное дело, когда трест столкнется с противником, хотя сравнительно и отсталым, и очень сильным, способным оказать серьезное сопротивление. Ради успешности своих завоевательных шагов трест, естественно повернет «налево». разумеется на время, до момента своего полного торжества над противником. А

там опять за прежнюю политику!

Так, в мировоззрении и практической деятельности различных буржуазных групп совершаются переходы от одного полюса к другому. И переходы эти, как мы старались выяснить всем нашим предыдущим изложением, отнюдь не носят характера чего-то случайного, чего-то капризно-стихийного, а, напротив, подчинены строго определенным законам. При известных условиях, социал-реформистское «сегодня» *необходимо* сменяется индивидуалистическим «завтра» или индивидуалистическое «вчера» социал-реформистским «сегодня».

Это обстоятельство вскрывает всю несостоятельность великого исторического открытия, сделанного буржуазными теоретиками и публицистами. Их надежды на социальную гармонию, могущую быть достигнутою в рамках капиталистического общества, оказываются совершенно призрачными.

Если в текущий момент среди представителей капитала «высокого» строения преобладают (за некоторыми исключениями вроде английских фабрикантов и лидеров американских трестов) симпатии к социальным реформам и профессиональным рабочим союзам, это объясняется упорной, напряженной борьбой, какую приходится названному капиталу вести сейчас за свою диктатуру на рынках. Конечно, диктатура обеспечена за ним, но еще не завоевана. Отсталая, полуавтоматическая фабрика все еще противостоит ему, как

сильный соперник. Процесс капиталистического развития, охватывая, с прогрессирующей быстротой, все более и более широкое поле, внося страшное разрушение в сохранившиеся до последнего времени ячейки натурального и мелко-буржуазного хозяйства, выбрасывают на рынок труда громадные армии рабочих. На первых порах своего пролетарского существования эти рабочие, естественно, не обладают «квалификацией». Полуавтоматическая фабрика проникается уверенностью в своей жизнеспособности: именно такие рабочие ей нужны, и чем больше их, тем для нее лучше. Она может взять верх «потогонной» эксплуатацией труда: для потогонной эксплуатации труда имеется благодарная почва; значит, можно рассчитывать на успех. Расчет, конечно, не верный. Техника идет вперед гигантскими шагами. С каждым новым преобразованием ее, отстаивать свою позицию при помощи старых способов производства и эксплуатации становится делом все более и более безнадежным; применение названных способов оказывается покушением с негодными средствами, не будучи в состоянии гарантировать ту дешевизну продуктов, которая возможна для предприятия, пользующегося самыми усовершенствованными машинами и высококвалифицированным трудом.

Но пока час окончательного банкротства старой фабрики еще не пробил. Она имеет еще за собой некоторые ресурсы. Поединок в полном разгаре. Поглощенные интересами этого поединка собственники капитала высокого стро-

ения, в свою очередь, обнаруживают большую склонность увлекаться близорукими расчетами. Конечно, надежды их на победу над отсталым противником вполне основательны, но они, повторяем, мечтают о более грандиозной победе: о завоевании всего мира на вечные времена. Интересы минуты обращаются для названной буржуазной группы в нечто, сохраняющее свое значение при всех обстоятельствах и фазисах ее истории; от своего социал-реформистского «сегодня» она заключает к социал-реформистскому «завтра»; выгодные для нее теперь средства борьбы с конкурентами приобретают в ее глазах «абсолютную» ценность. Она приветствует сейчас оппортунизм рабочих-профессионалистов, она вступает в соглашения с их организациями, но завтра тот же оппортунизм и те же организации она оценит совершенно иначе. Они покажутся ей опасными порождениями революционного духа, угрожающими ей гибелью. И как бы ни были примиренчески настроены профессиональные союзы, как бы ни старались они понизить уровень своих требований, как бы далеко они ни зашли по пути «нейтрализации», отречения от партийной и классовой политики, – все равно: им не будет пощады, они подвергнутся преследованию со стороны своих вчерашних доброжелателей. Последние добились своего, устранили отсталого конкурента; социальные реформы и симпатии к профессиональному движению сдаются в архив; на сцену выступают «патентованные средства». Персей превращается в чудовищного Тифона, от

которого нужно, во что бы то ни стало, избавить землю!

Питать какие-либо иллюзии на счет нынешнего курса либеральной буржуазии, следовательно, не приходится. Напротив, чем выше поднимается волна ее симпатий к социальным реформам и профессиональному движению, тем осмотрительнее нужно быть, тем с большей пытливостью нужно вглядываться в лицо грядущего дня, стоя на сторожевом посту. Высокая волна этих симпатий должна означать наступление решительного момента в поединке конкурирующих капиталистов: побеждающая сторона напрягает последние усилия; еще миг – и победа в ее руках. А за ее победой наступает индивидуалистическое «завтра».